

Про Ивана, крестьянскаго сына, и дѣдушку водяного.

Жили-были мужикъ съ бабой; не было у нихъ ни сына, ни дочки. Разъ собрался мужикъ на мельницу. Приѣхалъ и сѣлъ на берегу рѣчки дожидаться, пока жернова хлѣбъ перемелютъ. И захотѣлось ему воды напиться. Наклонился онъ къ рѣчкѣ и только сталъ пить, какъ вдругъ слышитъ кто-то его за бороду схватилъ и крѣпко-накрѣпко держитъ. Мужикъ туда-сюда головой,—нѣтъ, не вырваться. Взмолился онъ:

— Кто это меня за бороду держитъ? Отпусти!

А изъ воды голосъ слышится:

— Я—водяной. Не пуцу, коли не отдашь мнѣ у себя дома того, чего самъ не знаешь.

— Ну, хорошо,—говоритъ мужикъ.

Заставилъ его водяной расписку въ томъ собственной кровью написать и только тогда отпустилъ.

Приѣхалъ мужикъ домой, женѣ ни слова не сказалъ, а у самого на сердцѣ кошки скребутъ. Недоброе что-то чутся. «Ну,—думаетъ,—никто, какъ Богъ!»

Вотъ прошло сколько-то времени и родился у мужика сынъ; назвали его Иваномъ. Мать на него не нарадуется, а мужикъ смотреть да вздыхаетъ. Понялъ онъ теперь, что водяному отдать обѣщалъ. А мальчикъ растеть себѣ, да такой пригожій и занятный, что всѣмъ на диво. Горюетъ мужикъ потихоньку, а водяной о себѣ вѣсти не подаетъ. «Можетъ, и обойдется!» И женѣ ни слова не говоритъ.

Вотъ ужъ совсѣмъ подросъ Иванъ и грамотѣ выучился. Люди на него заглядываются, отецъ съ матерью налюбоваться не могутъ. Поуспокоился мужикъ.

Только разъ спалъ Иванъ на лавкѣ и слышитъ, словно кто въ окно стучить. А тамъ и голосъ раздался:

— Ванюшка, а Ванюшка! Что-то долго тебя ко мнѣ не присылаютъ. Заждался я тебя. Скажи отцу съ матерью, что коли черезъ три дня тебя ко мнѣ не приведутъ, такъ я все равно тебя силой возьму, а имъ тогда смерти не миновать.

Услышаль это Иванъ и заплакалъ со страху. Подбѣжали къ нему отецъ и мать, стали спрашивать. Разсказаль онъ имъ все; мать уговаривать начала: «полно, сынокъ! Мало-ли что ночью померещится». А отецъ только за волосы схватился и ни словечка не выговорилъ.

Увидала это мать, испугалась: знать, дѣло не просто. Приступила она къ мужу съ разспросами, тотъ ей и повѣдалъ, какъ онъ сына водяному отдалъ. Стали они вмѣстѣ раздумывать, какъ горю пособить, и у сосѣдей спрашивали. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: надо Ванюшку къ водяному отвести, не то онъ ихъ обоихъ погубить, а свое все-таки возьметъ.

Загоревали отецъ съ матерью: горько съ сыномъ разставаться, на невѣдомую жизнь посылать. А три дня не великъ срокъ, ужъ и къ концу подходятъ. Напекла баба пироговъ да лепешекъ на дорогу и повели они съ мужемъ сына на мельницу. Пришли къ берегу, поплакали, простились съ сыномъ и домой пошли.

Остался Иванъ одинъ на берегу и сталъ ждать. Ждалъ, ждалъ,—никто не приходитъ. А ужъ ночь близко, темнѣтъ начинается.

Наскучило Ванѣ сидѣть да дожидаться, всталъ онъ и пошелъ въ лѣсъ. Шелъ, шелъ по тропочкѣ, куда глаза глядятъ, и вышелъ къ избушкѣ. Заглянулъ онъ туда, а тамъ сидитъ старый-престарый дѣдушка.

Попросился у него Ваня переночевать, тотъ пустилъ. Утромъ собрался уходить, а дѣдъ на прощанье далъ ему яичко и говорить:

— Возьми, оно пригодится. Какъ пойдешь отъ меня, положи его передъ собой и толкни: оно и покатится, а ты за нимъ иди, не отставай. Докатится оно до озера, подъ ракушковымъ кусточкомъ станетъ. Сядь ты подъ этотъ кусточекъ и жди. Прилетятъ туда 12 голубицъ, о землю ударятся и станутъ двѣнадцатью дѣвицами. Начнутъ онѣ купаться, а тутъ подлетитъ 13-я. Какъ она въ воду войдетъ, ты подкрадись и платье ея возьми.

Поблагодарилъ Иванушка старика, вышелъ изъ избушки и шелъ за яичкомъ до озера. Сѣлъ подъ ракушковый кусточекъ и сталъ ждать. Скоро прилетѣли 12 голубицъ,—все такъ вышло, какъ старикъ говорилъ, и Иванушка все по его словамъ сдѣлалъ: унесъ платье у 13-й дѣвицы. Вотъ вышли всѣ изъ воды, другія опять голубицами оборотились и улетѣли, а она все платье своего ищетъ. Увидала, что нѣтъ его нигдѣ и говорить:

— Кто, человѣкъ добрый, мое платье унесъ, отзовись! Если старъ старичекъ—будь мнѣ батюшкой, если старая старушка—будь матушкой, а удалый молодецъ—будь мнѣ милый другъ!

Услыхалъ это Иванушка, вышелъ изъ куста и отдалъ дѣвицѣ платье. Слово за слово—разсказалъ онъ ей свою долю горькую, а она отвѣчаетъ:

— Ты туда же идешь, гдѣ всѣ мы живемъ. Меня тоже отецъ съ матушкой водяному отдали. А зовутъ меня Марьей.

Пошли они вмѣстѣ къ водяному, а дорогой дѣвица Иванушку учить, какъ ему съ водянымъ говорить и что дѣлать.

— Придешь къ нему,—говорить,—и скажи: «Здравствуй, дѣдушка!» Онъ тебя съ собой обѣдать посадить—ты садись и ѣшь; потомъ поднесетъ чашку вина—пей.

Тутъ пришли они къ большому, большому дому. У оконъ 12 дѣвицъ сидятъ и всѣ на Иванушку смотрятъ. А онъ на нихъ и не поглядѣлъ, прямо къ водяному пошелъ.

Вотъ пришелъ онъ къ водяному и все сдѣлалъ, какъ дѣвица Марья говорила: и поздоровался, и отобѣдалъ, и вина чашку выпилъ. Послѣ этого говорить ему водяной:

— Ты бы пошелъ, погулялъ у меня въ саду.

Послушался Иванушка, пошелъ въ садъ. Встрѣтилъ онъ тамъ Марью и сталъ вмѣстѣ съ ней гулять. Вдругъ видитъ онъ прудъ; вокругъ того пруда колышки вбиты, а на колышкахъ мертвыя головы сидятъ, а два колышка пустые.

— Что это?—спрашиваетъ.

— А не пришлось бы на этихъ колышкахъ нашимъ головкамъ висѣть,—отвѣчаетъ Марья.

Удивился Иванушка, ничего не сказалъ. Вернулся онъ въ домъ, а водяной ужъ ему работу приготовилъ: велитъ 12 десятинъ въ одну ночь вспахать и рожь посѣять. «Да пусть,—говорить,—рожь-то поспѣетъ. Да чтобъ къ утру ты ее вымолотилъ, смололъ и хлѣба напекъ».

Видитъ Иванушка: дѣло плохо; пригорюнился, пошелъ къ Марьѣ и рассказалъ, какая у него бѣда случилась.

— Ничего,—говорить Марья.—Ты не убивайся. Ложись-ка лучше спать, а утромъ проснешься, все готово будетъ.

Послушался ея Иванушка. Утромъ рано приходитъ онъ къ ней, а она говоритъ:

— Иди скорѣй, вынимай послѣдній каравай изъ печи. Сейчасъ дѣдушка придетъ. Увидитъ онъ, что все готово и начнетъ тебя спрашивать: твоими ли руками сдѣлано? А ты тутъ и закричи:

— Ты мнѣ, что-ли, помогаль?

Пошелъ Иванушка послѣдній каравай вынимать. Вотъ приходитъ къ нему водяной; поглядѣлъ, поглядѣлъ и говоритъ:

— Ну и молодецъ же ты, Ванюшка! Только твоими-ли руками все сдѣлано?

Закричалъ на него Иванушка сердитымъ голосомъ:

— Да ты мнѣ помогаль, что ли? Во всю ночь ты ни разу не приходил!

— Полно, Ваня,—говоритъ водяной,—не сердись. Пойдемъ лучше, пообѣдаемъ.

Пошли они обѣдать. И говоритъ водяной Иванушкѣ:

— Ну, сдѣлалъ ты мнѣ, что нужно. Теперь я тебя женить хочу. У меня здѣсь 13 дѣвицъ; самъ и невѣсту выберешь.

— Опять загрустил Иванушка. «Какъ мнѣ,—думаетъ,—Марью выбрать. когда всѣ 13 дѣвицъ, какъ одна!»

Пошелъ онъ къ Марѣ о новой бѣдѣ рассказывать, а она говоритъ:

— Ты не горюй. Правда, мы всѣ, какъ одна, и въ одинаковыхъ платьяхъ будемъ. Только у меня изъ кармана кончикъ бѣлаго платка виденъ будетъ. Ты меня и узнаешь. Смотри только, не забудь.

На другой день собралъ водяной всѣхъ дѣвицъ и велѣлъ Иванушкѣ невѣсту выбирать. Стоять всѣ 13 дѣвицъ, какъ одна, не отличишь.

А Иванъ знакъ помнить и выбралъ Марью.

— Погоди,—говорить водяной,—до другого разу. Я еще тебѣ выбрать дамъ.

Опять пошелъ Иванушка къ Марьѣ, а она ужъ другую примѣту придумала. «Теперь,—говорить,—будетъ у меня на щекѣ муха сидѣть».

Запомнилъ Иванушка и опять Марью выбралъ. Захотѣлъ водяной въ третій разъ его выбирать заставить. И тутъ Марья новый знакъ выдумала: пообщала чуть примѣтно ногой шевельнуть. И въ третій разъ выбралъ ее Иванушка. Ну тутъ ужъ водяной не сталъ больше откладывать и свадьбу справилъ.

Послѣ свадьбы вышелъ Иванушка съ женой въ садъ погулять, а она и говорить:

— Вотъ теперь бы намъ съ тобою уйти отсюда. Давай-ка подумаемъ, какъ это устроить.

Порѣшили они, что лучше теперь же попробовать. Дѣдушка водяной въ это время спалъ, а они собрались и въ путь-дорогу отправились.

Идутъ они, торопятся, а водяной-то ужъ проснуться успѣлъ, хватился ихъ и погоню послалъ. А Марья того и боялась, приложила ухо къ землѣ, услышала погоню и говоритъ мужу: «это водяной за нами послалъ». Мигомъ ударила объ землю, стала овцой, а Иванушка въ пастуха оборотился. А тутъ и погоня подоспѣла, спрашиваетъ:

— Эй, пастухъ! Не видалъ ты, проходили здѣсь мужчина съ женщиной?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иванушка,—никого я не видалъ, а цѣлый день тутъ пасъ.

Воротилась погоня къ водяному, а Иванушка съ Машей дальше пошли.

Долго-ли, коротко-ли, слышитъ Маша: опять погоня. Тутъ сама она церковью обернулась, церковь-то старая, старая, вся мохомъ поросла, а Иванушку сдѣ-

лала старымъ священникомъ. Прилетѣла погоня, сейчасъ къ нему:

— Не видалъ-ли,—спрашиваютъ,—мужчину съ женщиной?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иванушка.—Кому здѣсь быть? Сколько лѣтъ я тутъ прожилъ, вонъ и церковь вся мохомъ обросла, а кого видѣлъ? Одинъ Богу службу справляю.

Опять уѣхала ни съ чѣмъ погоня, а Иванъ съ Машей дальше пошли. Только, немного погодя, слышитъ Маша: опять за ними гонятся. А гнался-то самъ водяной. Увидалъ онъ, что безъ него толку не будетъ, и рѣшилъ самъ бѣглецовъ изловить. Вотъ ужъ близко погоня. Тутъ Маша скорѣе Иванушку въ рѣку обратила, а сама щукой поплыла.

Подѣхалъ водяной, взглянулъ на рѣку, въ обманъ не дался, а вмѣсто того самъ ракомъ обернулся и кинулся со щукой драться. Только щука-то его и проглотила.

Тутъ Марья изъ щуки опять дѣвицей стала, а рѣку Иванушкой сдѣлала и пошли дальше. Бояться ужъ нечего было. Добрались они до Иванушкинаго дома благополучно, и что тутъ радости у отца съ матерью было!